

№391 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Можно ли «оправдаться верой»?

Мудрёный, громоздкий и вместе с тем сомнительный пассаж мы наблюдаем во втором и третьем стихе пятой главы послания к Римлянам апостола Павла: **«оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом** через Господа нашего Иисуса Христа, через Которого верою и получили мы доступ к той благодати, в которой стоим и хвалимся надеждою славы Божией».

Во-первых, что значит, **«оправдаться верою»**. Во-вторых, **перед кем** оправдываться? Перед людьми? Так, ведь, вроде нас никто не обвиняет. Перед Богом? Но со Всевышним не поспоришь и не посостязаясь. Пытаться в чём-то переубедить Господа явно занятие бесполезное. В-третьих, сомнительно, чтобы вера была входным билетом в Жизнь Вечную. Ведь, «и бесы веруют и трепещут», по словам апостола Иакова (*Иак.2:19*).

Граждане Рима эту Павлову фразу так же вряд ли воспринимали адекватно глубинному её смыслу, однако она предельно близка им была по ментальности. В городе юристов, судей и адвокатов термин «оправдание» почти у всех был на кончике языка, ведь тогдашняя столица империи представляла собою «Мекку права»; юридическое сознание большинства граждан было весьма развито, а слово «оправдание», равно как и «осуждение» - доминантно в любой судебной системе. Люди грешат; грех это преступление перед законом, а, следовательно, подлежат осуждению на Суде Божьем.

Но, ведь, многое зависит и от хорошего адвоката и обстоятельств, прилагаемых к делу. Благо, наш защитник – Сам Иисус Христос. Но, как ни странно, в качестве главного аргумента к оправданию грешника апостолом провозглашается его **ВЕРА** (во Христа, естественно). Имеешь веру – значит - свободен, а не имеешь – в «геенну огненную»! Да, именно так многие церковники думали и до сих

пор считают. Христиане конца 1-го века настолько серьёзно воспринимали эту юридическую схему, что, не стесняясь, в текст 4-го Евангелия вписали фразу, якобы принадлежавшую Иисусу: «Верующий не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия» (*Ин 3:18*).

Вера, безусловно, имеет громадное значение для духовной жизни человека в его прохождении земного пути и наследовании Царства Божия, но отнюдь не в правовом измерении – мол, верующие **достойны** Царствия Божия, а неверующие будут **осуждены за их НЕВЕРИЕ** на муку вечную.

На самом деле, вера – это никакая не заслуга, и не «пропуск» в райские обители, а **СОСТОЯНИЕ ДУШИ** человека, **открытость его сердца** к Богу. Господь говорит каждому из нас: «Се, стою у двери, и стучу: если кто услышит голос Мой, и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» (*Откр.3,20*).

«ЧУЖИЕ»

Рассуждали мы давеча о стойкой тенденции в любом человеческом сообществе делить людей на категории, на первый и второй сорт. И обращаясь к истории, в этом же контексте, затронули тему рабства - потому, что это самое разделение на людей и не-людей ярче всего проявлялось именно при рабовладельческом строе.

И что интересно, широкое распространение рабовладения в Римской империи с приходом христианства очень безболезненно сменилось на его отсутствие. С издержками, но безболезненно. Никаких социальных катаклизмов вроде революций не было. Как вы, наверное, знаете, было такое слабое место в теории «Революция как локомотив истории». Там приводились примеры, что вот, феодальный строй меняется на капиталистический, каким образом? – Буржуазной революцией - третье сословие прорывается вверх. Но спрашивается, а почему рабовладельческий строй нигде не меняется за счет революции? Тем более в Римской империи, где рабство было доведено до максимальных масштабов?

На самом деле есть один момент, который это объясняет - вовремя христианство подоспело, и рабов просто тихо не стало. Ещё в конце 3-го века их было достаточно много. А вот на протяжении всего 4-го века мы замечаем, что рабов становится всё меньше и меньше. Из этого никак не следует, что наступила вообще райская жизнь, или смена экономических взаимоотношений, как нам писали в учебниках: что рабство исчезло потому, что труд раба стал экономически невыгодным. В Америке, может быть, и так, но не в Римской импе-

рии. Да и угроз революционных волнений не было. Христианство отнюдь не инициировало восстания. Апостол Павел, наоборот, пишет: «рабы, повинуйтесь своим господам» (Еф 6,5). Тут, конечно, обычная проблема с понятийным аппаратом: каждый оставайся в том звании, к которому призван, то есть это не значит, что если ты раб, то получай удовольствие от того, что ты раб. Но опять же, этот призыв «будь рабом» подразумевает не внутреннее примирение с этим состоянием, а компромисс с социальным статусом. Дело в том, что если все рабы в одночасье начнут что есть духу требовать, чтобы их отпустили на свободу, получится хаос. Поэтому, с одной стороны, если ты призван к Богу рабом, надо какое-то время потерпеть, но если ты призван к Богу и имеешь рабов, то ты, пожалуйста, озаботься тем, чтобы твои рабы стали свободными.

Так это, собственно и происходило. Становясь христианами, даже зачастую не очень хорошими, граждане Римской империи меняли свои социальные отношения. Причем происходило это не так, что раб подкараулил своего хозяина и взрезал по голове тяжелым предметом из-за угла, а наоборот, рабовладелец, приняв христианство, отпустил своих рабов на волю.

Идея христианства и революции в общем одна и та же. По этому поводу шутил Владимир Соловьев. Он писал, что христианство и социализм проповедуют почти то же самое, только с маленькой разницей. Христианство призывает богатых поделиться своим имуществом с бедными, а социализм призывает бедных отнять имущество у богатых и разделить между собою.

Ну это так, маленькое отступление. Разговор-то у нас о рабстве неспроста. Рабовладельческий строй – это просто идея неравенства людей, доведённая до предела, где всё открыто, где вслух провозглашается, что вот Иванов – человек, а Сидоров – не человек, он раб. Сейчас у нас то же самое, просто об этом не говорят вслух. Желание провести такую границу между людьми столь живуче, что только диву даёшься.

Знаете, как нацисты определяли – истинный ариец или не истинный? Был такой антропологический показатель, который назывался «угловой показатель». Это допустимый угол между переносицей и лбом, если я не ошибаюсь. Чем этот угол меньше, тем череп «правильнее», чем тупее угол, тем, соответственно... Ведь при всём изуверстве этого критерия, подоплёка тут вполне очевидна. Надо было найти безусловный аргумент, так сказать, натуральный – что все арийцы – это высшая раса. Причём всё это идеологическое производство – совсем недавнее. И оно, увы, никуда не делось. Никто уже никого в конц-

лагеря не загоняет, в газовые камеры не за-талкивает, но вот эта смертоубийственная логика – она очень живуча. Пусть акценты переместились, и люди не столько хотят доказать, что другие – нелюди, сколько то, что они сами – элита, но сама логика – та же.

К слову говоря, и в церковной ограде иногда слышишь такие, иногда полускрытые, иногда неприкрытые утверждения: что вот мы спасаемые, а остальные – нет. Сейчас об этом говорят в основном православные, а раньше некоторые радикальные протестанты с этого начинали. Теория даже такая есть, что Бог по Своему определению одних предназначил к гибели, а других – ко спасению. При этом те, кто об этом догадывался, – никто из них, конечно же, не причислял себя к не-спасаемым.

Фактически, это исподволь присутствующее в каждом из нас стремление может быть сформулировано вот в каких категориях? Человек в мире сем, в падшем мире, неосознанно делит человечество на две неравные части, которые можно условно обозначить словами: «свои» и «чужие». Или «свои» и «не-свои», чтобы логически и строже это выглядело. И вот в рамках этой антитезы всегда будет соблазн к своим относиться не столь категорично, как к не-своим.

Под «свои» и «не-свои» не имеется в виду семья или круг общения, это уже иное. Естественно, у меня всегда будет некий круг общения, достаточно ограниченный, потому что человек не может физически общаться с пятьюстами людьми одновременно, одинаково интенсивно – ни физически, ни психологически. Дело здесь не в социальных контактах и не в коммуникативных возможностях, а в мироощущении – **ВСЕ** свои. Может такое быть? Может. Это подтверждает чудо Церкви, которое состоит в том, что эти пятьсот, тысячу пятьсот тысяч и даже миллион человек могут переживать одинаковой глубины меру единства, хотя встретятся некоторые друг с другом всего один раз в жизни – здесь, на Земле, в пределах той ограниченной жизни, которая человеку отпущена в мире сем. Апостол Павел, если вы помните, с другими апостолами виделся считанные разы в своей жизни, с некоторыми – всего раз в жизни. Но их апостольское достоинство состояло в том, что они друг друга приняли, и с этим могли жить, хотя физически друг с другом больше и не сталкивались.

Поэтому именно христианство переворачивает эту, казалось бы, естественную антитезу – «свои и не-свои», «свои и посторонние». Для Христа нет посторонних. И если задача христиан – уподобиться Самому Христу, то, значит, и для нас с вами посторонних быть не должно.

Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтёте нужным